

г) язык и форму передачи информации; д) способ принятия политических решений и др.

Все это формирует в обществе «социальный заказ» на определенный тип политического лидерства, образец политической карьеры. Немецкий элитолог Д. Херцог указывал, что «политические карьеры являются социально структурированными и создают образец именно в том смысле, что в каждой исторической ситуации имеются не бесконечно разнообразные и предельно индивидуализированные пути политического восхождения, а только немногие, посредством которых все снова и снова одинаковым способом рекрутируются новые поколения политических деятелей. Эти пути обусловлены не только общим государственным строительством, организационными формами партий и избирательной системы, но также и едиными способами поведения» [11, с. 66]. Только тот политик способен и обречен на успех, кто будет следовать в унисон существующим в определенном политическом пространстве карьерным образцам, способам рекрутирования политических элит [см. подробнее 12].

Социальные обстоятельства, институциональные рамки политического лидерства способствуют актуализации определенных групп политических способностей, необходимых для осуществления эффективной политической деятельности, а также определяют направления ценностно-идеологической интеграции политических позиций лидера и последователей. В силу этого тенденция бюрократизации, например, создает спрос на административные способности лидера, рост комплексности проблем – на организационные таланты, «информационная» революция – на коммуникативные компетентности, «деидеологизация» общества указывает на необходимость апелляции лидера к «новым» социальным потребностям (экологическим, гендерным и т. п.) и др. В таком случае для современного государственного лидера, представляющего западную цивилизацию, необходимыми предпосылками политической карьеры которого являются: обладание точным знанием по широкому комплексу общественных проблем, способность к координации деятельности различных политических акторов, овладение искусством коммуникации, умение выполнять функции не столько «посредничества интересов», сколько их «конверсии» и др.

Заключение. Очевидно, таким образом, что помимо психологических и социокультурных факторов, существенным образом на систему политического лидерства воздействуют институциональные обстоятельства ее функционирования. Их детерминирующее влияние проявляется, главным образом, через определение властных возможностей лидеров, формирование совокупности требований к обладателю лидерской позиции и определение способов политического рекрутирования. При этом основополагающее воздействие на

содержание лидерства в институциональном измерении оказывают особенности политического режима, государственного устройства, избирательной и партийной систем, а также качественные характеристики той группы политической элиты, к которой принадлежит лидер. В своем концентрированном виде в политическом лидерстве детерминирующее воздействие институционального фактора проявляется в образце политических карьер, имманентно присущих определенной политической системе, что, в свою очередь, формирует социальный запрос на конкретную группу политических качеств и способностей, необходимых для успешного лидерства.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология / Г.Г. Дилегенский. – М.: Новая школа, 1996. – 351 с.
2. Гозман, Л.Я. Политическая психология / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопал. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 448 с.
3. Зеленко, Г. Контексти політичного лідерства на постсоціалістичному просторі / Г. Зеленко // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск 2006. – С. 136–146.
4. Лысюк, А.И. Социокультурная детерминация политического лидерства: содержание, способы, эволюция: [моногр.] / А.И. Лысюк. – Черновцы: Букрек, 2008. – 384 с.
5. Zukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i Praktyka / P. Zukiewicz. – Warszawa: Difin, 2011. – 440 s.
6. Мигранян, А.М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс / А.М. Мигранян // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 148–158.
7. Wiatr, J.J. Europa Postkomunistyczna. Przemiany państw i społeczeństw / J.J. Wiatr. – Łódź: WWSHE, 2006.
8. Кармазіна, М.С. Президентство: український варіант / М.С. Кармазіна. – Київ: ІПіЕД ім. І.Ф. Кураса, 2007. – 363 с.
9. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
10. Лысюк, А.И. Политическое лидерство в Европейском союзе: структурно-функциональные характеристики / А.И. Лысюк // Політологічні та соціологічні студії. Збірник наукових праць. Тематичний випуск «Політичні виміри процесів європейської інтеграції». – Том XII. – Чернівці: Букрек, 2013. – С. 31–45.
11. Herzog, D. Der moderne Berufspolitiker / D. Herzog // Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. – Stuttgart/Berlin/Köln: W. Kohlhammer, 1990. – 180 S.
12. Bodio, T. Przywództwo i elity polityczne / T. Bodio, P. Załęski // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2007. – 1398 s.

Материал поступил в редакцию 30.03.15

LYSIUK A.I. Institutional Foundations for the Political Leadership

In a given article studied is the totality of political institutions defining the development and functioning of the political leadership. These institutions are understood not only as a totality of political establishments and organizations, but also as dominating in the society norms and examples of political behavior. Author is concentrating his attention on the analysis of impact of the political regime specifics, state system, election and party systems, quality of the political elites, to which the leader belongs, as well as the ways of political leaders recruitment expressed in the examples of political careers on the leadership system.

УДК 101.8

Лагуновская Е.А.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

В IX–XI вв. в результате консолидации различных восточнославянских общностей – полян, древлян, северян, волынян, хорватов, дреговичей, радимичей, вятичей, кривичей, словен и других – сформировалась древнерусская народность – новая, восточнославянская этническая общность. Ее единство оказалось столь прочным, что в эпоху феодальной раздробленности Руси сама народность не только

не распалась, но и еще более консолидировалась [7, с. 286]. И только изменившиеся условия их дальнейшего развития вызвали к жизни процесс дифференциации древнерусской народности на три восточнославянские этнические общности. Важным фактором, оказавшим влияние на формирование духовных ценностей белорусской этнической общности, было взаимодействие культур Запада и Востока, спо-

Лагуновская Елена Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, г. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224600, бульвар Космонавтов, 21.

способствовало закреплению в менталитете белорусского народа толерантности, терпимости, сдержанности в суждениях, системности мышления. При этом особенности среды обитания, формируя данные характеристики менталитета, не только не помешали, а скорее, способствовали самоидентификации белорусского этноса, происшедшей на основе осознания своих истоков и кровного родства.

Непосредственное формирование белорусской, равно как русской и украинской, этнической общности начинается после татаро-монгольского разгрома Древнерусского государства (1237–1241). В это время на части его территории, а именно северо-западных землях, возникло новое государство – Великое княжество Литовское. Главной причиной его образования явилась необходимость объединения балтов и славян для совместного отражения нашествия крестоносцев и частично набегов татар. Центром, ядром нового государства стало Понемонье, а также соседняя Литва. Сначала под властью литовских князей оказались Новогрудское и Жемайтское княжества, а затем Полоцкое, Витебское, Менское, Слуцкое, Пинское и др. После присоединения к нему всех западнорусских земель оно получило официальное название «*Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтское и иных*» [5]. Политическим центром этого государства сначала был Новогрудок, затем Троки (ныне г. Трокай, Литовская Республика), а с 1323 г. основной столицей становится г. Вильно. Официальное название этого государства дает представление о характере этнического состава его населения: под одной властью в нем оказались литовцы-аукшайты, значительная часть Руси, жемайты и другие этнические общности. После объединения в 1569 г. Великого княжества Литовского с Королевством Польским в Речь Посполитую на этногенетические процессы, происходившие в западных землях бывшего Древнерусского государства, стал влиять комплекс разнообразных факторов – политических, экономических, социальных, конфессиональных, этнокультурных и др.

Главным политическим фактором этнообразовательных процессов стала административно-правовая централизация страны, приведшая к усилению связей между ее различными территориями. Экономическую основу этногенеза составили развитие сельского хозяйства, ремесел, торговли, утверждение единой денежной системы, создание региональных рынков вокруг городов и местечек. К социальным факторам относятся формирование различных категорий населения – сословий шляхетства (дворянства), духовенства, крепостных крестьян, мещан, что способствовало развитию более широких связей в рамках каждого из них и между ними. Консолидации формирующихся общностей способствовала борьба приверженцев различных конфессиональных групп за сохранение и утверждение своей веры. Важнейшим этнокультурным фактором явилось языковое разнообразие населения государства, которое стало предпосылкой дифференциации древнерусского языка на региональные диалекты. Совокупное действие перечисленных факторов привело к появлению на основе древнерусской народности к концу XVI – началу XVII в. трех новых этнических общностей.

Северо-западная часть Руси (поприпятские, подвинские, поднепровские и понеманские земли) стала ареалом формирования белорусской этнической общности. Политическая и экономическая интеграция данных земель содействовала становлению общих черт у жителей этого региона. Эти черты проявились прежде всего в особенностях разговорной речи: на основе древнерусского языка стали складываться, согласно белорусско-русскому филологу и этнографу, основоположнику белорусского языкознания, академику Е.Ф. Карскому, «особенности белорусского наречия, как они сохраняются до сих пор в устах народа» [1, с. 107]. Одновременно происходили значительные изменения в традиционных культурах населения: материальной и духовной. Изменения выражались в появлении новых типов поселений, культивировании новых стилей одежды, а также развитии новых жанров устного народного творчества (например, исторической песни), распространении элементов балтской и польской культуры. Кроме того, определенное влияние оказывали элементы не-балтской культуры, в частности татар. Их отдельные группы поселились здесь в конце XIV – начале XV в. в центральной, а затем и поприпятском и подвинско-днепровском регионах. Ареалом формирования украинской общности, которую поначалу именовали малороссами, стала южная часть Великого княжества Литовского.

Одновременно в северо-восточной части бывшего Древнерусского государства осуществлялся процесс формирования великорусской общности, ныне называемой «русские».

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на основе древнерусской народности возникли три своеобразные, но генетически родственные по общности происхождения, языка, вероисповедания, культуры и духовности этнические общности или народы: белорусы, русские и украинцы. Этноним «русы, русские» – их общее коренное имя [4, с. 136].

Процесс формирования белорусской этнической общности большинство исследователей связывают с периодом существования Великого княжества Литовского (XIII–XVI вв.), а начало истории белорусского народа – с моментом вхождения западнорусских земель в это средневековое государство. При этом необходимо обратить внимание на то, что Великое княжество Литовское (ВКЛ) – это изначально полиэтническое государство, объединявшее в своем составе население литовских и большей части древнерусских земель от Балтийского до Черного морей, в котором доминирующее положение занимали литовские князья. В рамках данного государственного образования объективно происходил процесс этнической дифференциации его населения, в частности формирования литовской, белорусской и украинской этнических общностей и их самосознания. Как пишет Е. Карский, русские области, вошедшие в состав ВКЛ, потеряли свою политическую самостоятельность, но вместе с тем избавились от постоянных войн и кровопролитий, сопровождавших княжеские междоусобия. С этого времени в русских землях «начинается эпоха более или менее мирного культурного развития, чему много способствовали как свобода от татарской зависимости, страшным гнетом тяготевшей над Восточной Русью, так и вообще человеческое отношение к русским литовских князей» [4, с. 103]. Моральная регуляция социально-политической жизни в период феодальной раздробленности и монголо-татарского нашествия на Киевскую Русь (XII–XIV вв.) была обусловлена целью сохранения независимости старобелорусских земель. В данный временной период здесь, так же как и в Западной Европе (Англия, Франция, Германия), путем интеграции происходило формирование централизованного государства, тогда как государственные объединения Киевской Руси проходили этап феодальной раздробленности. В Западной Европе и Киевской Руси передача верховной власти по старшинству обуславливала невозможность законным образом претендовать на должность правителя всем желающим. Зачастую лица, лишённые возможности управлять, стремились занять эту должность с помощью любых средств и методов, в том числе и насильственных, вплоть до военных действий в государстве. Смещение монархов было распространено в период Средневековья в Западной Европе и Киевской Руси, и чаще всего в таких случаях их лишали жизни. Специфика социально-политического развития старобелорусских земель при отказе от наследования по старшинству в тот период давала возможность свободного выбора жизненной стратегии как направленности на достижение желаемого социального положения. Если сын правившего князя являлся претендентом на верховную власть в государстве, он, как и все остальные, выдвигал свою кандидатуру. Только при условии наибольшего соответствия личностных качеств и способностей должности князя, по сравнению с другими претендентами, человек мог быть избран.

В качестве государственного в ВКЛ использовался язык, на котором в то время разговаривала образованная часть населения и который современники называли русским языком. В первом артикуле четвертого раздела Статута Великого княжества Литовского, впервые введенного в редакции 1566 г. и повторенного в редакции 1588 г., так определялся язык делопроизводства в литовском государстве: «Писар земски маеть по-руску литерами словы рускими вси листы, выписы и позы писати, а не иншим езыком и словы» [5, с. 140]. В киево-русский период истории восточных славян язык, который современные белорусские исследователи называют старобелорусским, не соотносился ни с каким диалектом. Вбирая в себя элементы разных восточнославянских языковых стихий, он постепенно приобрел наддиалектный характер и, в итоге, стал письменным деловым языком, которым пользовались в различных землях Руси, а затем и в Великом княжестве Литовском. Убедительным подтверждением данного положения явля-

ется памятник древнерусской литературы XII в. «Слово о полку Игореве». По оценкам исследователей, он вполне мог быть написан и в Киеве, и в Полоцке, и в Турове, и в Чернигове... В то время термин «белорусский язык» вообще не употреблялся, язык же деловой письменности, в том числе и в период ВКЛ, имел название «русский язык». Таким образом, язык, ныне называемый старобелорусским, в действительности был общелитературным древнерусским языком. Свое прямое продолжение он имел в XIII–XV вв., будучи представленным большим количеством актов, грамот, договоров и статутот. С XVI в. в западнорусских землях стал набирать силу процесс проникновения в деловую письменность латинского и польского языков, что повлекло вытеснение из употребления древнерусского языка, а затем и его официальный запрет в 1696 г.

Первый свод законов в феодальной Европе – Статут ВКЛ, разработанный учеными и юристами-практиками старобелорусского государства на основе кодификации и систематизации норм местного права, вышел в 1529 году и был доступен всем грамотным людям того времени. Совокупность правовых норм, изложенных в Статуте, составляла своеобразную феодальную конституцию, основанную на новых принципах единства права и приоритета писаного права. Согласно заключению исследователя источников древнерусского права С.В. Юшкова, памятники кодификации Московского и Литовского государств были созданы на основе принципов Русской Правды. А некоторые разделы Статутот Великого княжества Литовского 1529 и 1566 гг., которые были приняты до Люблинской унии 1569 г., например закон о копном суде, представляют собой прямые извлечения из Русской Правды [4, с. 153].

При этом в ВКЛ развитие права опередило развитие капиталистических отношений. В то время феодальным отношениям Западной Европы была присуща строгая иерархичность: экономические, политические, социальные права принадлежали исключительно первому и второму сословиям, а третье сословие, бывшее бесправным, обеспечивало их благосостояние.

Именно из среды третьего сословия в Западной Европе выделлась буржуазия, борьба которой за свои права и привела впоследствии к подготовке Конституции США (1786), Французской Декларации прав человека и гражданина (1789). На белорусской территории отмечались низкие темпы генезиса буржуазных отношений: даже в XIX в. количество торгующих и гильдейского купечества, способных повлиять на усиление процесса капитализации, было незначительным. Однако уровень развития цехового производства, поддерживаемый представителями первого сословия в ВКЛ, в том числе и самым крупным земельным собственником – великим князем, оказал детерминирующее воздействие на демократические нормы Статутот, что отвечало государственным процессам того времени.

В русле христианского просвещения (что может свидетельствовать о неразвитости права того времени) Статуты закрепляли нравственные нормы жизнедеятельности общества на государственном уровне. Возрожденческий индивидуализм западноевропейского общества, основанный на антропоцентризме, способствовал буржуазным революциям, созданию и развитию права в его позитивистском варианте. В соответствии с позитивистской концепцией, права человеку дает государство исходя из действительной ситуации: при условии, что он является его гражданином, а центральными понятиями выступают «норма», «принуждение», «авторитет».

Сторонники естественно-правовой концепции: Ф. Скорина, С. Будный, М. Литвин, А. Волон и др., сущность права соотносят с представлением о том, каким право должно быть, а его содержание раскрывают через понятия «свобода», «разум», «справедливость» [2, с. 27]. Принадлежность к человеческому роду в данной концепции рассматривается как определяющий фактор права человека на жизнь, свободу, личную неприкосновенность. В этом основы естественно-правовой концепции соответствуют христианству: права человека обусловлены его изначальным достоинством.

Ценность свободы актуализируется в Статуте 1588 г. его издателем Л. Сапегой в обращении ко всем сословиям ВКЛ: «...все мы между иными народами христианскими хвалимся, что пана, чтобы согласно волей своей, а не согласно правам нашим управлял, над собою не имеем, а как славой добродетельной, так жизнью и имуществом свободно пользуемся». Л. Сапега заявляет, что для соблю-

дения законов и наличия прав в обществе их необходимо знать каждому человеку и поэтому он взял на себя расходы на печать, «дорогу удобную и легкую каждому к изучению права показав» [6, с. 350]. Выступив как мировоззренческое основание правового сознания, ценности достоинства, совести и свободы воплотили одновременно нравственный опыт народа и его устремленность в будущее, нацеленную на обеспечение внутренней целостности и стабильности общества и государства. Издание Статутот ВКЛ, равно как и книгоиздательская деятельность Ф. Скорины, С. Будного, В. Тяпинского, П. Мстиславца, православных братств и др., имели важное значение для самоидентификации белорусов.

Однако необходимо признать, что прогрессивные нормы трех Статутот ВКЛ не в полной мере совпадали с общественными реалиями того времени. Не случайно в XVI веке преследования со стороны церкви и властей подвергался антиринитарист Сымон Будный. Также нельзя говорить о сугубо мирном распространении униатства на белорусских землях. После заключения Брестской Унии 1596 г. оно превратилось в скрытую форму окатоличивания и порой навязывалось методом силового принуждения, что вызывало резкие протесты, особенно со стороны населения восточных белорусских земель. Об этом свидетельствуют исторические факты. В 1609 г. было совершено покушение на активного пропагандиста «объединенной веры», униатского митрополита Ипатия Пацея. В 1623 г. в результате вооруженного бунта в Витебске был убит униатский архиепископ Иосафат Кунцевич, который пытался насильно утвердить Унию.

В XVII–XVIII вв. в ВКЛ обострились достаточно острые противоречия времен белорусского Возрождения и Просвещения, в частности, противостояние православной, католической и протестантской церквей и их сторонников из числа шляхты городских слоев, стремление сохранить авторитет или влияние церкви в социальных и политических делах. Спецификой политического развития Полоцкого княжества и ВКЛ является толерантное отношение властей к церкви и законодательное закрепление традиций веротерпимости: все религиозные перемены, реформационное движение, уния 1596 года происходили без кровавых гражданских войн, характерных для стран Западной Европы. Однако усиливалось насильственное вмешательство королевской власти в церковные дела, борьба за торжество тенденций секуляризации и сакрализации отличалась острым, а иногда и ожесточенным характером. Дискриминация на основе религии во внутренней политике Речи Посполитой явилась поводом для ее разделов и продолжилась в Российской империи.

ВКЛ по составу своего населения было полиэтничным и поликонфессиональным государством, и нет оснований утверждать, что оно было белорусским национальным государством, поскольку такое следует связывать с жизнью белорусской нации, предпосылки формирования которой в то время только складывались. Особенности взаимодействия между христианскими конфессиями – православием и католицизмом, каждая из которых формировала свой культурный стереотип, фактически по-своему перетолковывая исходную христианскую традицию и пытаясь в той или иной мере ее воспроизводить, в белорусской науке исследованы О.Д. Баженовой, Л.В. Левшун, В.А. Тепловой. Данные ученые доказали, что в культуре ВКЛ столкнулись две не совсем чужеродные, но исторически весьма по-разному развивавшиеся культуры, которые итальянский славист Р. Пиккио определил как *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*, что привело к взаимодействию разных культурных стереотипов, разных христианских традиционностей, порвавших с единой христианской традицией [3, с. 225].

Однако можно сделать вывод о том, что период вхождения белорусских земель в состав Речи Посполитой имел исключительно важное значение для самоидентификации белорусов и последующего политического самоопределения. Решающим обстоятельством в этом процессе было то, что Речь Посполитая как государство менее всего ориентировалась на развитие белорусов в качестве самобытного народа. Фольклорные источники того периода свидетельствуют о стремлении большинства белорусов для своего самосохранения как общины, для своего дальнейшего исторического развития к воссоединению с русским народом в одном государстве.

Исключительно важный период в развитии белорусской общности связан с вхождением территории ее проживания в состав Рос-

сийского государства. В 1839 г. состоялся Полоцкий церковный собор, который утвердил воссоединение литовско-белорусских униатов с православной церковью. Это была политика возвращения белорусам богатейшего наследия их же собственной, создававшейся веками культуры. В период вхождения Белой Руси в состав Российской империи впервые в истории белорусов как особой общности сложились предпосылки не для реставрации Великого княжества Литовского, а для создания собственной национальной белорусской государственности. Предпосылками для этого явились результаты социально-экономических и политических процессов, происходивших на протяжении XIX – начала XX в. внутри России.

Огромную роль в формировании и развитии идеи самоорганизации белорусской этнической общности в нацию-государство сыграли классики белорусской литературы и ряд других выдающихся представителей национальной культуры. Основы национального самосознания белорусского народа эксплицированы в трудах В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича, А. Пашкевича, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, А. Луцевича, В. Ластовского, Я. Лесика и др. В период Российской империи важнейшими общественными проблемами выступали вопросы ликвидации крепостного права и охраняющего

его царского самодержавия, переустройства жизни на демократических основаниях. Катализатором же их решения явились революционные события начала XX в.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск: Беларусь, 2001. – 217 с.
2. Котляр, И.И. Права человека / И.И. Котляр. – Минск: Тесей, 2008.
3. Левшун, Л.В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков / Л.В. Левшун. – Минск: БПЦ, 2009. – 896 с.
4. Мельник, В.А. Основы идеологии белорусского государства / В.А. Мельник. – 3-е изд., испр. – Минск: Выш. шк., 2013. – 343 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://www.starbel.narod.ru>. – Дата доступа: 16.04.2015.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. сав. энцыкл.; рэд.: І.П. Шамякін [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
7. Рыбаков, Б.А. Рождение Руси / Б.А. Рыбаков. – М: Наука, 2003. – 528 с.

Материал поступил в редакцию 06.10.15

LAHUNOUSKAYA A.A. To the question of formation of the Belarusian ethnic community

In the article the preconditions development of Belarusian ethnic community. The author explores the question of formation of the Belarusian ethnic community in the context of religious and traditional values of the Belarusian people.

УДК 82.09

Паталкоў Ю.В.

ТРЫАДЗІНЫ ПАДЫХОД ДА ЎСПРЫЙНЯЦЦА МАСТАЦКАГА ТЭКСТА

Матэрыялаў пра тое, як выкладаць літаратуру ў школе альбо ў ВУН, напісана незлічона. Між тым відавочна наступнае: у згаданым выкладанні адвечна вядзецца своеасабліва «халодная вайна».

Першы бок прадстаўляюць педагогі, для якіх у спасціжэнні мастацкага вобраза лагічнае зразуменне прэваліруе над стыхійным пачуццём: літаратура ж, маўляў, павінна адлюстроўваць эпоху, даваць грамадству пераканальныя рэцэпты, абавязковыя для ўсіх. Письменник – прарок, настаўнік, ментар, духоўны правадыр мільёнаў. Чытач – вучань і насялядоўнік пісьменніка.

Другія свярдаюць, што прыгожае можна толькі адчуць. На іх думку, рабіць пра мастацкі твор універсальныя высновы нельга, паколькі пачуццё множнага ліку не ведае: ікона прамаўляе да мяне – пра мяне і па-мойму. Письменник пры такім раскладзе рэчаў – творчая асоба, якая не ставіць перад сабою абавязковыя задачы. Ён толькі выразна уасабляе свой уласны боль з нагоды недасканаласці натуры чалавека. Чытач – асоба, сперажывальна роўная з пісьменнікам. Як і літаратара, чытача пы жыццю вядзе боль душы, мітрэнгі сумлення. Яму не цікавыя асобныя эпохі: яго эпоха – адвечнасць.

Для першых бытаванне мастацкага вобраза *двуадзінае*: пісьменнік – творца кнігі, чытач – яе спажывец. Такую пазіцыю прыняць за канструктыўную, паколькі незалежна ад нашай волі быццё літаратуры (як і ўсяго на свеце) *трыадзінае*, гэта значыць, пачынаецца не з чалавека, а з Бога.

Усявышні – носьбіт душэўнага болю з нагоды недасканаласці прыроды чалавека і грамадства, і выток найгадоўнейшага закліку: «палюбі бліжняга свайго як самога сябе». Менавіта удзелам звышнатуральнага пачатку ў вобразатворчасці тлумачыцца тое, што ў кожным творы апрача зместу рацыянальнага (увасобленага чалавекам) існуе змест Божы, ірацыянальны, анталогічны, метафізічны, непадуладны нават самому пісьменніку і загадкавы для яго.

Письменник – «перакладчык» з Гасподняй мовы на чалавечую (выраз І. Гегеля). У яго творы нясцерпны боль і ідэальная любоў Усявышняга уасабляюцца ў сюжэтах, метафарах, персанажах і г.д.

Чытачу дастаецца ўспрымаць вынікі працы двух папярэдніх крэатару прыгожага і ператвараць гэтыя вынікі ў практыку свайго духоўнага і сацыяльнага быцця, ствараючы тым самым тую новую рэальнасць, якая дае падставу для новых пошукаў і перажыванняў Бога і пісьменніка.

Тры названыя актанты вобразатворчасці знаходзяцца паміж сабою ў эмпацічных (суперажывальных) узаемінах. Суперажыванне – не спачуванне, не мілажальнасць, а агульная тоеснасць пачуццяў перад аднолькавымі абставінамі. Напрыклад, розныя людзі, якія папалі пад адзін і той жа дождж, суперажывальныя (эмпатычныя). Трыадзіна суперажывальныя паміж сабою Бог, пісьменнік і чытач: перад імі стаіць адна і тая ж абставіна: мажлівая пагібель чалавецтва на планеце Зямля.

З трыадзінай эмпаціяй (суперажывальнасцю) спрачацца нельга: гэтая мегаідэя – не навацыя, не гіпотэза, не адкрыццё, а спаконвечны закон быцця ўсяго існуючага на Зямлі і Сусвеце.

Прыняўшы мегаідэю трыадзінай эмпаціі за аснову спасціжэння мастацкага вобраза, настаўнік павінен будзе прызнаць, што выкладанне літаратуры і ўспрыянне зместу мастацкага тэкста павінны існаваць толькі як форма малітоўнай размовы з Усявышнім. Педагогу стане відавочным: можна вывучыць усе метадычныя тэорыі, быць хадзячай энцыклапедыяй літаратуразнаўчых ведаў і пры гэтым не спраўдзіцца ні як выкладчык, ні як даследчык, ні як прыстойная асоба ўвогуле.

Нажаль, у сённяшай школе мы бачым задбанне трыадзінай эмпаціі, ўпэўненасць, што пры вывучэнні і даследванні літаратуры першасным аказваецца не «эмоцыя», а «рацыён», не суб'ект, а аб'ект, не мастацкі тэкст, а звесткі пра сацыяльныя ўмовы яго бытавання, у канец канцоў – не Бог, а чалавек. Таму стала традыцыйным непасрэдную сустрэчу з тэкстам папярэджаць паведвамленнем звестак пра гістарычную эпоху, біяграфію літаратара, адпаведныя паняцці тэорыі літаратуры. Толькі пасля гэтых неабходных працэдур пачынаецца знаёмства з тэкстам, якое ўжо заведама збеднена: ме-